ВСЕ ПРИТЧИ МИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-84
ББК 94.8
В84

В84 Все притчи мира / сост. Г.Н. Слабко. – Москва : Издательство АСТ, 2017— 208 с.: ил. — (Большая книга мудрости)

ISBN 978-5-17-102786-5

Притча издавна ценилась как великими мыслителями, так и простыми людьми различных культур и мировоззрений. Краткие иносказательные истории, наполненные глубоким смыслом, стали идеальной формой для передачи прежде невыразимых знаний. В этой книге собраны притчи разных времён и народов, объединённые главным: заложенными в них вечными идеями. Порой язвительные, иногда парадоксальные, нередко вызывающие долгие раздумья, эти притчи на протяжении многих столетий остаются источником духовной и житейской мудрости человечества.

УДК 82-84
ББК 94.8

ISBN 978-5-17-102786-5

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Все притчи мира

Содержание

Арабские притчи 5

Буддийские притчи 51

Еврейские притчи 73

Библейские притчи 101

Индийские притчи 139

Персидские притчи 181

Притчи Тибета 191

Притчи со всего света 197

Арабские притчи

Сказка о сказке

Однажды Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал фантазию.

Она сказала себе:

— А почему бы и нет? Много гурий в раю пророка, много красавиц в земном раю, — в гареме халифа. В садах пророка не была бы я последней из гурий, среди жён падишаха я, быть может, была бы первой из жён, и среди одалисок — первой из его одалисок. Где кораллы ярче моих губ, и дыхание их — как воздух полудня. Стройны мои ноги, и как две лилии — грудь моя, — лилии, на которых выступили пятнышки крови. Счастлив тот, кто склонит голову на мою грудь. Чудные сны приснятся ему. Как луна в первый день полнолуния, светло лицо моё. Как чёрные бриллианты горят мои глаза, и тот, кто в минуту страсти заглянет в них близко-близко — как бы велик он ни был! — увидит себя в них таким маленьким, таким маленьким, что рассмеётся. Аллах создал меня в минуту радости, и вся я — песнь своему творцу.

Взяла и пошла. Одетая только в свою красоту.

На пороге дворца её с ужасом остановил страж.

— Чего ты хочешь здесь, женщина, забывшая надеть не только чадру!

— Я хочу видеть славного и могущественного султана Гарун-аль-Рашида, падишаха и халифа, нашего великого повелителя. Аллах один да будет повелителем на земле.

— Да будет во всём воля Аллаха. Как твоё имя? Бесстыдство?

— Моё имя: Истина. Я не сержусь на тебя, воин. Истину часто принимают за бесстыдство, так же, как ложь за стыд. Иди и доложи обо мне.

Во дворце халифа все пришли в волнение, узнав, что пришла Истина.

— Её приход часто означает уход для многих! — задумчиво сказал великий визирь Джиаффар.

И все визири почувствовали опасность.

— Но она женщина! — сказал Джиаффар. — У нас принято, что всяким делом занимается тот, кто в нём ничего не понимает. И потому женщинами ведают евнухи.

Он обратился к великому евнуху. Хранителю покоя, чести и счастья падишаха. И сказал ему:

— Величайший из евнухов! Там пришла женщина, полагающаяся на свою красоту. Удали её. Помня, однако, что всё это происходит во дворце. Удали её по-придворному. Так, чтоб всё было красиво и пристойно.

Великий евнух вышел на крыльцо и мёртвыми глазами взглянул на обнажённую женщину.

— Ты хочешь видеть халифа? Но халиф не должен видеть тебя в таком виде.

— Почему?

— В таком виде приходят на этот свет. В таком виде уходят с него. Но ходить в таком виде на этом свете нельзя.

— Истина только тогда и хороша, когда она голая истина.

— Твои слова звучат правильно, как закон. Но падишах выше закона. И падишах не увидит тебя такой!

— Такою создал меня Аллах. Берегись, евнух, осуждать или порицать. Осуждение было бы безумием, порицание — дерзостью.

— Я не смею осуждать или порицать того, что создал Аллах. Но Аллах создал картофель сырым. Однако, прежде чем есть картофель, его варят. Аллах создал мясо барашка полным крови. Но чтобы есть мясо барашка, его сначала жарят. Аллах создал рис твёрдым, как кость. И чтобы есть рис, люди варят его и посыпают шафраном. Что сказали бы о человеке, который стал бы есть сырой картофель, сырое баранье мясо и грызть сырой рис, говоря: «Такими создал их Аллах!»? Так и женщина. Для того, чтобы быть раздетой, она должна быть сначала одета.

— Картофель, баранина, рис! — с негодованием воскликнула Истина. — А яблоки, а груши, душистые дыни? Их тоже варят, евнух, прежде чем есть?

Евнух улыбнулся так, как улыбаются евнухи и жабы.

— У дыни срезают корку. С яблок и груш снимают кожу. Если ты хочешь, чтоб мы поступили также с тобою...

Истина поспешила уйти.

— С кем ты говорил сегодня утром, у входа во дворец и, кажется, говорил сурово? — спросил Гарун-аль-Рашид у хранителя его покоя, чести и счастья. — И почему во дворце было такое смятение?

— Какая-то женщина, бесстыдная до того, что желает ходить так, как её создал Аллах, хотела тебя видеть! — ответил великий евнух.

— Боль родит страх, а страх родит стыд! — сказал халиф. — Если эта женщина бесстыдна, поступите с ней по закону!

— Мы исполняем твою волю, прежде чем она произнесена! — сказал великий визирь Джиаффар, целуя землю у ног повелителя. — С женщиной так и поступлено!

И султан, с благосклонностью глядя на него, сказал:

— Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал упрямство.

Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина надела власяницу, подпоясалась верёвкой, взяла в руку посох и снова пришла ко дворцу.

— Я — Обличение! — сурово сказала она стражу. — Именем Аллаха я требую, чтобы меня допустили к халифу.

И страж в ужасе — стражи всегда приходят в ужас, когда ко дворцу халифа приближается посторонний, — страж в ужасе побежал к великому визирю.

— Опять та женщина! — сказал он. — Она прикрыта власяницей и называет себя Обличением. Но по глазам я увидел, что она — Истина.

Визири пришли в волнение.

— Какое неуважение к султану — идти против нашей воли!

И Джиаффар сказал:

— Обличение? Это уж касается великого муфтия.

Призвал великого муфтия и поклонился ему:

— Да спасёт нас твоя праведность! Поступи благочестиво и по-придворному.

Великий муфтий вышел к женщине, поклонился ей до земли и сказал:

— Ты — Обличение? Да будет благословен твой каждый шаг на земле. Когда муэдзин с минарета пропоёт славу Аллаху и правоверные соберутся в мечеть для молитвы, — приходи. Украшенное резьбою и перламутром кресло шейха я с поклоном уступлю тебе. Обличай правоверных! Твоё место в мечети.

— Я хочу видеть халифа!

— Дитя моё! Государство — это могучее дерево, корни которого глубоко ушли в землю. Народ — это листья, которые покрывают дерево, и падишах — это цветок, который цветёт на этом дереве. И корни, и дерево, и листья, — всё для того, чтобы пышно цвёл этот цветок. И благоухал, и украшал дерево. Так создал Аллах! Так хочет Аллах! Твои слова, слова Обличения, — поистине живая вода. Да будет благословенна каждая росинка этой воды! Но где ж ты слышала, дитя, чтобы поливали самый цветок? Поливают корни. Поливай корни, чтоб пышней цвёл цветок. Поливай корни, моё дитя. Иди отсюда с миром, твоё место в мечети. Среди простых правоверных. Там обличай!

И со слезами злости на глазах ушла Истина от ласкового и мягкого муфтия.

А Гарун-аль-Рашид спросил в тот день:

— Сегодня утром, у входа в мой дворец ты говорил с кем-то, великий муфтий, и говорил кротко и ласково, как всегда, — а во дворце почему-то была в это время тревога? Почему?

Муфтий поцеловал землю у ног падишаха и ответил:

— Все беспокоились, а я говорил кротко и ласково, потому что это была безумная. Она пришла во власянице и хотела, чтобы ты тоже ходил во власянице. Смешно даже подумать! Стоит ли быть властителем Багдада и Дамаска, Бейрута и Бельбека, чтобы ходить во власянице! Это значило бы быть неблагодарным Аллаху за его дары. Такие мысли могут приходить только безумным.

— Ты прав, — сказал халиф, — если эта женщина безумна — к ней надо отнестись с жалостью, но сделать так, чтобы она не могла никому повредить.

— Твои слова, падишах, служат похвалою для нас, твоих слуг. Так нами и поступлено с женщиной! — сказал Джиаффар.

И Гарун-аль-Рашид с благодарностью взглянул на небо, пославшее ему таких слуг:

— Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал хитрость.

Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина приказала достать себе пёстрых шалей из Индии, прозрачного шёлка из Бруссы, золотом затканных материй из Смирны. Со дна моря она достала себе жёлтых янтарей. Убрала себя перьями птичек, таких маленьких, что они похожи на золотых мух и боятся пауков. Убрала себя бриллиантами, похожими на крупные слёзы, рубинами, как капли крови, розовым жемчугом, который кажется на теле следом от поцелуев, сапфирами, подобными кусочкам неба.

И, рассказывая чудеса про все эти чудесные вещи, весёлая, радостная, с горящими глазами, окружённая

несметной толпой, слушавшей её с жадностью, восторгом, с замиранием сердца, — подошла ко дворцу.

— Я Сказка. Я — Сказка, пёстрая, как персидский ковёр, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах. Они звенят так же, как звенят золотые колокольчики на фарфоровых башнях богдыхана китайского. Я расскажу вам о нём. Смотрите на эти бриллианты, они похожи на слёзы, которые проливала прекрасная принцесса, когда милый уезжал на край света за славой и подарками для неё. Я расскажу вам о прекраснейшей в мире принцессе. Я расскажу вам о любовнике, который оставлял на груди своей милой такие же следы от поцелуев, как эта розовая жемчужина. А её глаза в это время становились от страсти матовыми, большими и чёрными, как ночь или этот чёрный жемчуг. Я расскажу об их ласках. Об их ласках в ту ночь, когда небо было синим-синим, как этот сапфир, а звёзды блистали, как это алмазное кружево. Я хочу видеть падишаха, пусть Аллах пошлёт ему столько десятков лет жизни, сколько букв в его имени, и удвоит их число и снова удвоит, потому что нет конца и предела щедрости Аллаха. Я хочу видеть падишаха, чтобы рассказать ему про леса из пальм, завитые лианами, где летают вот эти птички, похожие на золотых мух, про львов абиссинского Негуса, про слонов раджи Джейпура, про красоту Тадж-Магаля, про жемчуга повелителя Непала. Я — Сказка, я пёстрая Сказка.

И заслушавшийся её историй, страж позабыл о том, чтобы доложить о ней визирям. Но Сказку уж увидели из окон дворца.

— Там сказка! Там пёстрая Сказка!

И Джиаффар, великий визирь, сказал, поглаживая бороду и с улыбкой:

— Она хочет видеть падишаха? Пустите её! Нам ли бояться вымыслов? Тот, кто делает ножи, ножей не боится.

И сам Гарун-аль-Рашид, услышав весёлый шум, спросил:

— Что там? Перед дворцом и во дворце? Что за говор? Что за шум?

— Это пришла Сказка! В чудеса разодетая Сказка! Её слушают сейчас в Багдаде все, все в Багдаде, от мала до велика, и наслушаться не могут. Она пришла к тебе, повелитель!

— Аллах да будет один повелитель! И я хочу слышать то же, что слышит каждый из моих подданных. Пустите её!

И все резные, и слоновой кости, и перламутровые двери открылись перед Сказкой.

И среди поклонов придворных и ниц упавших рабов Сказка прошла к халифу Гарун-аль-Рашиду. Он встретил её ласковой улыбкой. И Истина в виде Сказки предстала перед халифом.

Он сказал ей, ласково улыбаясь:

— Говори, дитя моё, я тебя слушаю.

Аллах акбар! Ты создал Истину. Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида. Истина всегда добьётся своего.

Кизмет!

Истина

За высокими горами, за дремучим лесом жила царица Истина.

Рассказами о ней был полон весь мир.

Её не видел никто, но все любили. О ней говорили пророки, о ней пели поэты. При мысли о ней кровь загоралась в жилах. Ею грезили во сне.

Одним она являлась в грёзах в виде девушки с золотистыми волосами, ласковой, доброй и нежной. Другим грезилась чернокудрая красавица, страстная и грозная. Это зависело от песен поэтов.

Одни пели:

— Видел ли ты, как в солнечный день, словно море, золотыми волнами ходит спелая нива? Таковы волосы царицы Истины. Расплавленным золотом льются они по обнажённым плечам и спине и касаются её ног. Как васильки в спелой пшенице горят её глаза. Встань тёмной ночью и дождись, как зарозовеет на востоке первое облачко, предвестник утра. Ты увидишь цвет её щёк. Как вечный цве-

ток, цветет и не отцветает улыбка на её коралловых устах. Всем и всегда улыбается Истина, которая живёт там, за высокими горами, за дремучим лесом.

Другие пели:

— Как тёмная ночь черны волны её благоухающих волос. Как молния блещут глаза. Бледно прекрасное лицо. Только избраннику улыбнётся она, чернокая, чернокудрая, грозная красавица, которая живёт там, за дремучим лесом, за высокими горами.

И юный витязь Хазир решил увидеть царицу Истину.

Там за крутыми горами, там за чащей непроходимого леса, — пели все песни, — стоит дворец из небесной лазури, с колоннами из облаков. Счастлив смелый, которого не испугают высокие горы, кто пройдёт через дремучий лес. Счастлив он, когда достигнет лазурного дворца, усталый, измученный, и упадёт на ступени и споёт призывную песнь. Выйдет к нему обнажённая красавица. Аллах только раз видел такую красоту! Восторгом и счастьем наполнится сердце юноши. Чудные мысли закипят в его голове, чудные слова — на его устах. Лес расступится перед ним, горы склонят свои вершины и сравняются с землёй на его пути. Он вернётся в мир и расскажет о красоте царицы Истины. И, слушая его вдохновенную повесть о её красоте, все, сколько есть на свете людей, — все полюбят Истину. Её одну. Она одна будет царицей земли, и золотой век настанет в её царстве. Счастлив, счастлив тот, кто увидит её!

Хазир решил ехать и увидеть Истину.

Он заседлал арабского коня, белого, как молоко. Туго стянулся узорным поясом, обвешал себя дедовским оружием с золотой насечкой.